

Из части пятой. Деятнадцатый век: **романтизм и материализм**

Какая из двух сил - любовь или музыка - возносит людей до величайших высот? Это трудный вопрос, хотя, похоже, на него следует отвечать так: музыка способна дать представление о любви, тогда как любовь не может дать представления о музыке. Но для чего отделять одно от другого. Это два крыла души.
Гектор Берлиоз

Глава 1. Наполеон — солдат-император

После Революции наступили новые времена: ни короля, ни двора, ни салонов более не существовало, зато было множество героев-военных и недавно разбогатевших поставщиков, обеспечивавших нужды армии. Манеры были грубыми, любовь — брутальной. Могло показаться, что изящество манер, тщательно отшлифованное на протяжении предшествующих столетий, отброшено навсегда, без того, чтобы его место заняли какие-либо другие добродетели, достойные упоминания.

Однако мало-помалу вокруг пяти руководителей постреволюционного правительства, или Директории, начало образовываться новое общество, в котором женщины играли немаловажную роль. Организатором этого нового общества был не Бонапарт, а сладострастный Баррас, который в то время не имел большого опыта в общении с дамами и с большим подозрением относился к «нации, предававшей галантности», но столичное женское общество вскоре сразило его наповал. «Из всех стран на земле есть только одна, — восклицал Баррас, — где женщины достойны того, чтобы стоять у кормила. Женщине следует провести шесть месяцев в Париже, чтобы начать осознавать, как далеко простирается ее владычество. Женщины здесь красивы как нигде в мире, и скоро они станут играть важную роль».

Во времена Директории, когда общественным условностям не придавали особого значения, любовь сводилась к тому, чтобы возбуждать желание и удовлетворять его как можно скорее. Французы в то время не могли похвастать изящными манерами и, соответственно, не отличались деликатностью в делах любви. Брачные узы не считались препятствием для удовлетворения животных инстинктов. По грубому описанию Камбасереса, это была «природа в действии», и жены меняли мужей, не придавая этому большого значения.

Наполеон говорил: «Любовь — это занятие для лентяя. диверсия для солдата, капкан для правителя». Его тревожили мысли о вредном воздействии, какое любовь оказала на монархов, таких как Генрих IV и Людовик XIV, и, придя к власти, он был полон решимости не позволять женщинам иметь политическое влияние в стране. Тем не менее сам он испытывал физическое влечение к актрисам «Комеди Франсез», и особенно к тем, кто играл благородных героинь — Федру, Гермиону, Андромаху и Ифигению. Одной из наиболее прославленных актрис была мадемуазель Жорж, которая в *Мемуарах* поведала о своих частных беседах с Бонапартом. Актриса до такой степени преклонялась перед императором, что постоянно носила на корсаже его эмблему — фиалки; из-за этого символического букета она была вынуждена покинуть «Комеди Франсез» после Реставрации. Связь актрисы с императором продолжалась с 1802 по 1804 год, и несчастная Жозефина сходила с ума от ревности. Всякий раз, когда у нее возникало подозрение, что император «принимает» мадемуазель Жорж, она, со свечой в руке, кралась на цыпочках к дверям его спальни, чтобы подслушивать. Чувственная креолка, о которой молодой Бонапарт однажды написал: «Я никогда никого не любил, кроме Жозефины, — это первая женщина, которая когда-либо была обожаема мною», — потеряла свою империю вскоре после того, как ее любовник завоевал свою.

Нельзя сказать, что Бонапарт был нежным любовником. Женщинам, которых привозили к нему, приходилось ждать, когда он покончит с работой. Иногда, когда государственных дел оказывалось слишком много, Наполеон приказывал лакею отвезти даму домой. Он мог быть и мелочным. Тереза Бургуэн, танцовщица, бывшая на содержании у Шапталя, министра внутренних дел, проболталась ему о прежних отношениях с его величеством, и Наполеон решил наказать обоих. Однажды Шапталя вызвали в Тюильри в одиннадцать вечера. Не успел он уехать, как в дверь постучал второй посланец императора, с запиской, в которой Наполеон приглашал в Тюильри и Терезу. Наполеон и министр были заняты обсуждением документов, когда лакей объявил: «Сир, дама приехала». Наполеон сказал: «Проси ее войти». Заметив ужас, которым преисполнился увидевший свою любовницу министр, Наполеон преисполнился злорадного наслаждения. «Ждите меня в той спальне», — холодно приказал он, указывая на дверь в другом конце кабинета. Затем, спокойно повернувшись к министру, любезно спросил: «Ну так на чем мы остановились?» Бедняге нелегко было сосредоточиться, но император еще час не отпускал его. Когда Шапталю покинул Тюильри, Наполеон вызвал лакея: «Скажите молодой особе, что она может ехать домой. Ее роль сыграна». Министр подал в отставку на следующий же день.

Мадам Реньо де Сен-Жан д'Анжели осмелилась критиковать императора, который этого не выносил. Однажды вечером, в разгар бала, он подошел к ней и громко заметил: «Знаете ли вы, мадам, что выглядите намного старше?» Мадам Реньо покраснела и ответила: «Сир, мне трудно было бы перенести сказанное вами, будь я настолько стара, чтобы меня тревожили подобные реплики». Ей было двадцать восемь лет.

Хотя Бонапарт не был светским человеком, но, превратившись из первого консула в императора, он вскоре осознал, что послереволюционному высшему свету недостает образования и изысканности. (Когда графиня де Жанлис, покинувшая страну во время Революции, возвратилась в Париж, она была шокирована тем обстоятельством, что «самые светские женщины принимают гостей не только лежа на софе, а даже не прикрыв ступни! Малейшее движение позволяет видеть их лодыжки и часть икр. Этот недостаток скромности, умаляющий очарование женщин, делает совершенно непристойными их общий вид и манеру поведения!» На вечерах с чаем и индейкой у финансистов-нуворишей вроде Уврара, скупившего замки Ренси, Марли, Люсьенна, Сен-Гратьен и другие, темы бесед ограничивались модой, разводами и последними банкротствами, а дамы сидели отдельно от мужчин.)

Мадам де Монтессон был пожалован годовой доход в полторы сотни тысяч, с тем чтобы она руководила образцовым салоном и давала императору советы по устройству официальных приемов в Тюильри. Для обучения неопытных дам при новом дворе реверансам из ссылки вернули Депре, бывшего танцмейстера Мари-Антуанетты. Штаны и украшенные *кокардами* береты революционеров сменили шляпы, бережно носимые под мышкой, туфли с пряжками, бриджи и шелковые чулки. Собираясь на прием к императору, дама должна была надевать роскошный туалет и буквально покрывать бриллиантами голову, руки и шею. Любая дама, дважды явившаяся на бал в одном и том же платье, получала от Бонапарта выговор. Наполеон мог сказать: «У вас что, мадам, нет ни одного платья, кроме этого? Или вы не можете попросить у мужа денег на новый туалет?»

В сущности, Бонапарт смотрел на женщин глазами военного. Он благосклонно относился к браку, так как его войска нуждались в пополнении, и авторы нового Гражданского кодекса сочли нужным установить, что муж является главой семьи. Легкость расторжения брака была единственным нововведением — вероятно, эту статью в кодекс включил сам Бонапарт, когда понял, что ему не дождаться наследника от Жозефины. На приемах и при дворе его величества у гостей меркло в глазах от золотого шитья мундиров. Женщины сходили с ума по его бравым офицерам — никогда еще военная форма не оказывала на любовь такого сильного воздействия. Как отмечал месье Анри д'Альмера, «это был чрезвычайно эротичный период — ведь вокруг было такое множество мундиров».

Жены и любовницы сопровождали генералов к месту сражения, переодевшись мужчинами.

В гардеробе каждой эмансипированной женщины был мужской наряд для подобного рода рискованных экспедиций. (Любовницы влетали в копеечку. Клотильда, танцовщица из Оперы, получала от своего любовника, князя Пиньятелли, сто тысяч франков в месяц, но бросила его ради предложившего ей в год на четыреста тысяч больше адмирала Мазаредо. Из-за бытовавшей в то время повальной моды на платья и мебель в одном стиле, дамам требовались огромные суммы, чтобы угнаться за быстро меняющимися тенденциями. В 1807 году расходы на *petite-maitresse* включали (в год) стоимость трехсот шестидесяти пяти пар туфель, шестисот платьев плюс пятьдесят тысяч фунтов на мебель — греческую, римскую, этрусскую, турецкую, арабскую, английскую, персидскую, китайскую и псевдоготическую, и за одну кровать — еще двадцать тысяч.)

Начиная с конца Революции возник ряд новых типов: слегка прикрывавшие тела прозрачными тканями *merveilleuses* и *нимфы*, а также выделявшиеся своими причудливыми костюмами и жаргоном *incroyables* и *petits-maitres*. *Нимфа* в 1800 году, по утверждению С.Мерсье, проводила время «танцуя, читая романы и ничего не делая. Двадцать лет назад ни одна девица не осмеливалась выйти на улицу иначе, как в сопровождении своей матери. Революция все переменяла. В наши дни они с утра до ночи снуют туда-сюда, свободные как ветер. Прощай, рукоделие...»

Incroyables (невероятные), враждовавшие с роялистами из *Club de Clichy*, туго завивали волосы, носили узкие галстуки, короткие трости и лорнеты. Они отличались бесцеремонностью и невежеством — образование было заброшено в течение нескольких последних лет.

Merveilleuses (чудесные) ходили в шмизах из тончайшего газа или хлопка, конфискованного во время блокады с английских кораблей. Мадам Гамелен осмелилась даже выйти на улицу, будучи совершенно голой под своим шмизом, но на Елисейских полях ее освистала чернь. Эта дама отнеслась к совету Жан-Жака Руссо о том, что «конечности должны быть свободны под покрывающей их одеждой; ничто не должно препятствовать их движениям, ничто нигде не должно быть стянуто, и ничто не должно прилегать чересчур тесно», — несколько серьезнее, чем следовало.

Одна молодая женщина появилась на вечере одетая так легко, что гости заключили пари насчет того, сколько весит ее наряд, включая украшения и модные греческие котурны. Большинство мнений сходилось на цифре примерно в два фунта, но, когда дама, пройдя в соседнюю комнату, сняла с себя все, что на ней было, вес ее одежды составил всего лишь *один* фунт! Гости бурно зааплодировали, когда им сообщили эту цифру.

Жизнь была шумной и веселой, аппетиты — огромными. Даже *нимфы* ели много. «Если вы видели наших *elegantes* во время ужина,— отмечал современник,— если вы видели, какое количество еды эти *нимфы* способны уничтожить, то вы, наверное, затруднитесь ответить, каким образом молодые дамы ухитряются быть такими стройными. Глядя на этих хрупких красавиц и подсчитывая, сколько они съели после бала — ветчины, паштетов, птицы, *cote* из куропатки и всякого рода пирожных, — человек имеет право ожидать более пухлых плеч и округлых рук».

Ужинать в эпоху Империи было принято в два—три часа ночи. Общественная жизнь была чрезвычайно насыщенной. Дамы и их кавалеры часто посещали бывшие в большой моде балы-маскарады в Опере, роскошные празднества в парке Багатель, в иллюминированных садах Тиволи и несчетное число вечеринок, *ш* которых танцы продолжались до рассвета. Любимыми танцами были гавот и вальс — тот самый вальс, предполагающий плавное скольжение, «как масло по полированному мрамору», согласно курьезному определению того времени.

Месье Легуве в своей книге *Merite des femmes* («Заслуга женщин») превозносил прелести женщин, напоминая французам о запущенном воспитании учтивости в любви. Дюброка написал книгу о прославившихся во время Революции женщинах. Все это поощряло дам Первой Империи вести себя подобно героиням-победительницам: таковы были герцогиня де Бассано, графиня Висконти, Паолина Боргезе, Каролина Мюрат, мадам Тальен... Томная мадам Рекамье стала достойным упоминанием исключением — в ней было больше от восемнадцатого века. Она была первой женщиной, которая после Революции открыла салон и торжественно узаконила балы. Как салон, так и артистизм Рекамье служили парижскому свету образцами для подражания. Никто из женщин не был способен более грациозно, чем она, лежать на софе (мы знаем об этом по известным полотнам Жерара и Давида); вместо бриллиантов мадам предпочитала носить ленты и цветы, а ее знаменитый «танец с шарфом» удостоился эпитета «утонченный», прозвучавшего из уст постаревшего и растолстевшего шеваляе де Буффле, который вернулся из-за границы, чтобы занять место помощника библиотекаря в Библиотеке Мазарини.

На внутренней стороне двух золотых браслетов, которые носила на своих точеных руках мадам Рекамье, были выравнены строчки недавно написанной Мартеном жалобной любовной песенки «Наслаждения любви» (она популярна и поныне). Но в том, что касалось интерьера, красавица Рекамье была все же женщиной эпохи Империи с ее культом греческих древностей и египетских мотивов, вызванным к жизни наполеоновскими походами. Бальзак писал несколько лет спустя: «Кровать — это театр любви». Кровати времен Бонапарта напоминают скорее «Гранд-опера». Кровать мадам Рекамье — белая с золотом — стояла на возвышении, как алтарь, и была наполовину укрыта муслиновыми занавесями, прикрепленными к бронзовой цветочной гирлянде. На одной ступени темный джинн на треножнике из белого мрамора держал золотую лампу. С другой стороны стояла статуя Молчания. Диван, письменный стол, пианино располагались в разных углах комнаты, хозяйка которой любила принимать гостей в таинственном полумраке.

В этом наспех сформировавшемся новом обществе, где люди легко вступали в связь, вряд ли зная или имея время узнать как следует друг друга, месье Лиардо, огорченный зрелищем такого множества холостяков и старых дев, решил открыть брачное агентство. Коль скоро уже существовали бюро по найму кормилиц, то почему было не учредить бюро для размещения приданных, — для вдов и девушек? Его газета *L'Indicateur des Mariages* («Брачный справочник»), регулярно выходившая по вторникам и пятницам, печатала длинные списки «незанятых сердец». Конкурент Лиардо, еще более предприимчивый, открыл школу для девиц на выданье, где три раза в неделю устраивались с соблюдением всех приличий балы и концерты, на которые приглашались потенциальные женихи. На этих вечерах супруга коммерсанта выступала в роли хозяйки.

Одним из самых удачливых хозяев брачных контор Первой Империи был месье Вильом; в его маленьком агентстве в доме № 46 на улице Нев-Сент-Эсташ всегда было полно народу. Когда у него случался недостаток в невестах, он обращался к имперским военным бюллетеням, чтобы посмотреть, кто убит в бою. «Та-ак, — должно быть, восклицал он, — упокой, Господи, души полковника Такого-то и генерала Сякого-то. Интересно, были ли счастливы их супруги?» Затем он начинал несколько деликатных расследований. Если в результате выяснялось, что супруги жили душа в душу (что по тем временам было редкостью), он предоставлял вдове проливать слезы в течение трех недель, прежде чем явиться к ней и завести разговор о возможном утешении. Если ему было известно, что супруги не питали друг к другу особых чувств, Вильом оставлял вдове даже меньше времени на то, чтобы оплакать мужа, как того требовали общественные условности, а затем являлся к ней с «деловым» визитом.